

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНАЯ СТРУКТУРА НАУКИ И МОРАЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОГО ОБЩЕСТВА (К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ)

Дольская О.А. (г. Харьков)

Аннотация

В статье дается анализ науки в информационно-технологическом обществе, ведущая роль научной технической элиты, роль технократов в условиях информационного общества, управление обществом в условиях научно-технического прогресса.

Ключевые слова

НАУКА, МОРАЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭЛИТА, ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНАЯ СТРУКТУРА, РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ, ИНФОРМАЦИЯ, ТЕХНОКРАТИЯ, ЦЕННОСТИ, ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО.

Введение

В современном информационно-технологическом обществе наука выступает основой научно-технологической системы и, следовательно, ценностно-нормативной структурой. Автор указывает на ряд современных концепций развития общества, в которых подчеркивается ведущая роль научной технической элиты. Цель. Показать, что в индустриально-технологическом обществе набирает силу инструментальное мышление, что становится характерной особенностью научной технической элиты. Особенностью индивидуализированного мира становится сосредоточение на собственной индивидуальности, ведущей чаще всего к потере моральных мотиваций и высших идеалов. Усиление связей с общественностью, гуманистических инициатив и формирование демократической воли могут помочь принимать верные решения со стороны технической элиты.

Кто будет управлять? Развитие науки и техники в XX в. привело к тому, что технику стали рассматривать как объективную реальность, обладающую собственными закономерностями, способными изменить не только социальные отношения, но и природу человека. Появляются такие термины, как «технократия», «технический детерминизм», и оформляется следующая доктрина: крупные сдвиги в технике и технологической системе – это детерминанта социально-экономических и иных изменений в обществе. С 60-х гг. прошлого века философы, социологи предложили и продолжают предлагать целую серию концепций развития цивилизаций. У. Ростоу предложил концепцию экономического роста (некоммунистический манифест), Р.Арон – индустриального общества, З.Бжежинский, Д.Белл, Д.Нейсбит – постиндустриального общества и информационного. О.Тоффлер пишет о трех волнах развития человечества и, давая

названия первой (сельскохозяйственная) и второй (индустриальная), затрудняется именовать третью стадию развития человечества.

Что послужило основанием для такого подхода? Как указывалось выше, для этого были налицо методологические основания в лице технологического детерминизма как определяющей роли техники в социальном процессе. Такая установка включала в себя следующие аксиоматические постулаты: техника обладает автономией развития в смысле собственной логики развития и независимости от социо-культурного контроля, основания она находит в себе самой; развитие техники понимается только как прогресс, она не испытывает никаких детерминант извне, со стороны.

В постиндустриальном и информационном обществах, по мнению авторов вышеназванных концепций, технический прогресс признается как безусловно позитивный фактор социо-культурной реальности, и эта установка кладется в основу оформления многочисленных типологий истории общества, а основной «производительной силой» становится наука. Потенциал всякого общества измеряется масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает.

Так как основным ресурсом развития общества становится информация, то приоритеты в обществе переходят от полуквалифицированных работников к инженерам и ученым. Зарождается особая прослойка профессионалов, для обозначения которых вводятся такие названия, как технократия, экспертократия, меритократия. Особенную популярность и развитие получила концепция технократизма. Технократы – это носители совершенно нового типа мировоззрения, основанного на научно-технических знаниях и информации. Первый и второй этапы развития идеи технократизма связывают с техническим прогрессом и доминированием их представителей в решении проблем крупных корпораций. В управлении обществом происходит неочевидный, но содержательно чрезвычайно значимый сдвиг: функции контроля переходят от субъекта собственности к субъекту «технической рациональности». Налицо реальное становление технократии как власти технической элиты. Техническая интеллигенция становится субъектом политических решений. Это общество трактуется как система, имеющая право принимать решения при сохранении значительной роли государства. Третий этап, датируемый 70-90-ми гг., связывают с огромным нарастанием роли информационных технологий, усилением влияния науки и техники на рост и развитие сообщества людей. В этот период традиционное принятие решений, связанных только с идеологическими мотивами, рассматриваются как некомпетентные и безответственные.

В 80-е гг. концепция технократии сменяется концепцией меритократии и экспертократии. Д.Белл, американский философ и

социолог, ввел понятие меритократия (от лат. merit - заслуга). Этот термин он взял из фантастической повести М.Янга «Возвышение меритократии», в которой рассказывается о касте ученых, которая монополизировала рычаги управления и влияния на общество, за что в последствие поплатилась своей властью. Американский мыслитель подчеркивает, как в течение ста лет коммерческое предприятие играло роль ключевого института, в силу его места в организации массового производства товаров, в ближайшие же сто лет ее будут играть университеты или иные какие-либо структуры получения знаний вследствие их функции источника инноваций и знаний.

Концепции меритократии и экспертократии вбирают в себя идеи гуманизации и гуманитаризации культуры. Они более гибко фиксируют статус и роль интеллигенции в системе общества. Если раньше господствующими фигурами были предприниматели, бизнесмены и промышленные руководители, то «новыми людьми» оказываются ученые, математики, экономисты, создатели новых интеллектуальных технологий. Основное внимание общество будет уделять талантам, заботливо их растить, расширяя сеть образовательных и интеллектуальных учреждений. Особое внимание хотелось бы обратить на то, что акцент ставился на следующем: не только лучшие таланты, но и весь комплекс престижа и статуса оказывались порожденными интеллектуальными и научными сообществами. В центре концепции, таким образом, стоял не технический специалист, не менеджер, а эксперт – специалист-ученый.

В конце 1980-х гг. на базе концепций экспертократии и меритократии сложилась концепция неотехнократизма, которая стала задавать новые параметры видения роли технической и гуманитарной интеллигенции в современном сообществе. В рамках этого направления научно-техническое развитие мыслится как один из определяющих факторов социального процесса. Однако этот фактор нуждается в оценочном и корректирующем вмешательстве экспертов, причем не только специалистов в области науки, техники, но ученых широкого гуманитарного профиля.

Культурное доминирование. Во всех вышеупомянутых индустриальных и постиндустриальных концепциях явно прослеживается попытка соотнесения понятия «наука», «техника», «технология» с ключевыми понятиями философской рефлексии: культура, прогресс, ценности, идентификация. Но еще в середине XX в. некоторые философы (особенно активную позицию заняли представители Франкфуртской школы в лице Маркузе, Адорно) стали указывать на негативные последствия такого подхода: техника превращает средства в цель, стандартизирует поведение, мы уходим от человека, человечество нуждается в другом взгляде на мир.

Д.Белл в работе «Постиндустриальное общество» писал о трех существующих в обществе различных областях, которые соприкасаются друг с другом различным образом и развиваются, подчиняясь различным историческим ритмам:

- технико-экономическая система;
- политический строй;
- сфера культуры.

Роль культуры как области значений (воображение, воплощенное в литературе, искусстве, нравах и духовных понятиях, религиозных и философских учениях) достаточно велика, считает Д.Белл [1] и, в качестве примера, обращает внимание на незыблемость во времени великих мировых религий, подчеркивая наличие в них какой-то трансцендентальной силы. Через десять лет после выхода его работы «Постиндустриальное общество» в 1983 г. он пишет труд под названием «Культурные противоречия капитализма», в котором подчеркивается теперь уже особая роль культуры в истории человечества. Основная идея книги в том, что приметой последних десятилетий стало своего рода доминирование культуры над экономикой: «Культура завладела инициативой в деле инициации перемен, в то время как экономика оказалась вынужденной удовлетворять появляющиеся новые желания» [2, 33]. С 90-х гг. XX в. тезис об автономизации культурной сферы начал набирать силу в связи с растущим значением постматериалистических ценностей. Поведение современного человека все менее подвергается закономерностям, характерным для массового индустриального общества. Это диктуется формированием нового стиля жизни и распространением новых ценностей и ценностных ориентиров, связанных, прежде всего, с доминированием интровертных, определяемых внутренними позициями человека, а не экстравертных, предполагающих внешнее влияние среды.

Если попытаться определить термин культура, то мы столкнемся с множеством ее определений. И это свидетельствует не о недостаточном исследовании этого вопроса, а, скорее всего, о сложности данного предмета. Нам бы хотелось определить культуру как фактор жизни, адекватный такому состоянию природы, когда она, природа, выступает в форме человеческого бытия. В культуре происходит накопление индивидуальных достижений, что влечет за собой высокие темпы культурной эволюции. Они закрепляются в материальных формах, а это уже расширяет возможности их накопления. Возникает мир материальной культуры, то, что мы называем вторая природа. Культурной среде противопоставляются мощные силы хаоса. Для человека архаики важно уберечься от них, для чего он старается преобразовать, «сделать» (оформить) окружающее его пространство таким, чтобы оно стало адекватным

его жизненным потребностям. И здесь большую роль играет понятие границы, которая отделяет культурное от природного (некультурного). Со временем человек начинает «возделывать» свой внутренний мир, и культура здесь сближается с пониманием наличия внутреннего хаоса, а человеческое понимание культуры осознается в смысле силы, сдерживающей природное. Речь идет о внутренней силе, контролирующей поведение человека изнутри. Если поначалу человек упорядочивает хаос в материальном мире, то затем он начинает «возделывать» самого себя. Теперь граница проходит по человеку, а всякие проявления природных сил, то, что принято называть «нечеловеческое», ему приходится контролировать с помощью правил, норм, которые вырабатывает культура. Мы можем понимать культуру как определенный вид поведения, общее для людей определенного сообщества; поведение, в основе которого лежат общепринятые действия, имеющие жизненно важные значения, без которых нет человека. Можно сказать, что это «сфера ощущений, нравственности и эмоций, а также интеллекта, стремящегося упорядочить эти чувства» [1].

Традиционно тема «Наука и культура» преподносилась так, что в ней речь шла о чем-то, что возможно рассматривать как что-то близкое и в то же время значительно разное. Если человеческая культура представлена многообразием форм, то наука – единственна. Тема же «Наука и мораль» вообще никак не состыковывались. Считалось, что наука объективна в более глубоком смысле, чем религия, мораль, искусство. Если мораль, религия – это формы общественного сознания, которые отражают общественное бытие, то наука отражает бытие абсолютное, т. е. мир, каков он есть сам по себе. И наука оказывается в совершенно особой ситуации. В подтверждение этого надо обратить внимание на то, что в начале XX в. ведущие мировые ученые радикально жестко отграничивают науку от морали. А. Пуанкаре в книге «Последние мысли» пишет: «Не может быть научной морали ... И причина этого очень проста; эта причина, как бы сказать, чисто грамматическая. Если посылки силлогизма обе в изъявительном наклонении, то заключение будет равным образом в изъявительном наклонении. Чтобы заключение могло быть поставлено в повелительное наклонение, необходимо, чтобы, по крайней мере, одна из посылок была в повелительном наклонении. Принципы же науки, постулаты геометрии высказаны только в изъявительном наклонении, в этом же наклонении выражаются и экспериментальные истины, и в основе наук нет и не может быть ничего другого» [4, 506]. В начале своей научной деятельности А. Эйнштейн в резкой форме характеризует соотношение науки и морали, подчеркивая, что этика – это практическое поведение, практическая философия, а наука не может учить людей морали: «Я не считаю, что наука может учить людей морали. Я не верю, что Ценностно-нормативная структура науки и моральные мотивации индивидуализированного общества...

философию морали вообще можно построить на научной основе. Например, Вы не смогли бы научить людей, чтобы те завтра пошли бы на смерть, отстаивая научную истину. Наука не имеет такой власти над человеческим духом» [6, 165]. Через восемнадцать лет, в 1951 г. в одном из писем он продолжает в том же духе: «То, что мы называем наукой, преследует одну-единственную цель: установление того, что существует на самом деле. Определение того, что должно быть, представляет собой задачу, в известной степени независимую от первой; если действовать последовательно, то вторая цель вообще не достижима. Наука может лишь устанавливать логическую взаимосвязь между моральными сентенциями и давать средства для достижения моральных целей, однако само указание цели находится вне науки» [6, 565]. Ситуация, в которой оказалось человечество в конце XX в., показало, что сохранение такого соотношения науки и морали таит в себе некую угрозу.

Центральным пунктом информационного общества становится характер новых отношений, проявляющийся во взаимодействии или в общении, в диалоге личностей. С одной стороны, люди начинают взаимодействовать не с машинами, а с другими людьми. С другой стороны, с появлением в науке понятия «научное сообщество» оказывается, что научно-исследовательская деятельность сближается с социальной культурой и представляет собой социально конструируемый продукт. Научное сообщество, по мнению Т.Куна, автора данного понятия, «состоит из исследователей с определенной научной специальностью, это основатели и зодчие научного знания» [3, 262].

Наиболее глобальным является сообщество всех представителей естественных наук, ниже в этой системе научных профессиональных групп располагается уровень сообществ физиков, химиков, зоологов и т.д. Пока субъект познания один на один стоит с Природой, он понимается как единое сознание. Однако как только субъект познания стал представляться множественным, внимание исследователя процесса познания сдвигается с отношения объект-субъект на отношения субъект-субъект. И вот тут-то и оказывается, что научная деятельность управляется все теми же культурными нормами и правилами, которые обустроивают и образуют то, что мы называем культурой.

Ученый, занимаясь деятельностью по созданию теорий, выдвигению гипотез и т. п., обращен к Природе. Это то, чем он занимается как познающий индивид. С другой стороны, он – член сообщества, следовательно, его действия направлены и в сторону человека. Считалось, что ценности и нормы имели отношение только к человеку, т. е. традиционно ценности и нормы считались социальными. В конце XX в. стало понятно, что противопоставление научного и социального мышления не совсем правомерно. Речь идет

о том, что сегодня с необходимостью встает вопрос о расширении сферы влияния социальных ценностей. И учитывая, что наука есть социально конструируемый продукт, она может трактоваться как ценностно-нормативная структура.

Индивидуализированное общество и моральные идеалы. Современные социологические исследования стали все чаще обращать наше внимание на факт оформления индивидуализированного общества. Украинский читатель познакомился с широко известными во всем мире работами английского социолога и философа З.Баумана, а также с работами канадского философа Ч.Тэйлора, в которых подчеркивается одна из характерных особенностей эпохи модернити и постмодернити – сосредоточение человека на себе самом, на своих чисто индивидуальных ценностях. Сама структура индустриально-технологического общества ограничивает и «диктует», каким должен быть наш выбор, какой, может быть, мы никогда бы не сделали при серьезном этическом размышлении. Прежние моральные взгляды имели своими источниками сакральные моменты человеческой жизни или опирались на идеи Истины, Добра, были глубоко укоренены в человеке. Все его действия так или иначе отталкивались от таких жизненных моральных установок. Здесь так и хочется вспомнить о великом интеллектуале эпохи Возрождения Леонардо да Винчи, который уничтожил многие свои чертежи технических изобретений, предвидя не только механические триумфы, но и жуткие последствия неконтролируемого процесса технического развития. Ему удалось осознать ограниченность только лишь механического изобретения человека. Без понимания культуры, мечтаний, надежд человека сама сущность его бытия останется необъяснимой. К несчастью, многие ученые, причем лучшие ученые, занятые вопросами науки, техники и технологий, не обладали такой упорной озабоченностью нравственными вопросами, которыми терзался великий итальянский инженер.

Индивидуализм и экспансия индивидуального мышления современного общества прочно заняли место героизма и чуткой индивидуальной ответственности. Некоторые формы жизни действительно являются высшими, но культура современности, которая являет собой культуру толерантности, проявляющуюся через присутствие либерализма нейтральности, отгораживается от таких утверждений. Либеральное общество должно сохранять позицию нейтральности относительно того, что такое «хорошая» жизнь. Но понимание хорошей жизни у каждого разное, а позицию каждого толерантное общество должно уважать. Для большинства людей карьера, политические амбиции, самоутверждение любыми путями становятся нормой жизни. И многие люди ощущают призвание жить именно так, а если нет, то, следовательно, их жизнь не имеет Ценностно-нормативная структура науки и моральные мотивации индивидуализированного общества...

смысла, они не смогут реализовать себя, и жизнь будет напрасной. Могут ли человека волновать вопросы, которые не выходят за грань собственных интересов? Что обосновывает человеческие мотивации? Мы можем говорить о том, что человек ищет новые решения вопросов, совершает открытия с целью улучшить жизнь, но чаще он обращается к таким мотивациям, которые не являются моральными в высшем смысле этого понятия. Можно задаться вопросом, как появилось атомное, бактериологическое, химическое оружие, которому под силу уничтожить все человечество, какими моральными идеалами руководствовались ученые, работавшие в области этих исследований? Примеров можно привести множество: неразумное использование полезных ископаемых земли, утончение озонового слоя и т. п. Использование инструментального мышления приводит к тому, что отодвигается идея добра и на первый план выдвигается идеал человеческой индивидуальности без оглядки на высшие моральные идеалы.

Выводы

Любая деятельность не должна выглядеть монологичной. В любом, предполагающем толерантность, обществе должен присутствовать диалогический дискурс, позволяющий продемонстрировать наличие мнений, многоаспектность поставленной проблемы и способный оценить сущность нашего времени, что в свою очередь сможет придать личности ученого новый вес значимости, с одной стороны, а, может быть, заставит принять новые решения, с другой. К сожалению, иногда политические амбиции власть держащих могут свести на нет любые демократические инициативы, но, даже если такой факт и присутствует, элита всегда имеет право выбора: она может просто отказаться.

Источники

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956с.
2. Bell, D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N-Y., 1996. – 479р.
3. Кун Т. Структура научных революций. – М.: ООО «Изд. АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 365с.
4. Пуанкаре К. О науке // Последние мысли. – М.: Наука, 1983. – 589с.
5. Тейлор Ч. Этика автентичності. – К.: Дух і літера, 2002. – 128с.
6. Эйнштейн А. Собрание сочинений в 4-х тт. – Т.4. – М.: Наука, 1967. – 599 с.

Стаття надійшла 01.02.2005 р.